

**ДВОЙНАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
МЕЛОДРАМА**

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ МАРИНЫ КРАМЕР!

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут

Три женских страха

Убей свою любовь

Жена самурая

Все оттенки желаний

Жить на свете стоит

Последнее японское предупреждение

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне

Нежная стерва, или Исход великой любви

Первая леди города, или Между двух берегов

Госпожа страсти, или В аду развод не принят

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

Королева мести, или Уйти навсегда

Роскошная хищница, или Сожженные мосты

Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски

Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы

Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие

Визит с того света, или Деньги решают не все

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии

Марго, или Люблю-ненавижу

Алекс, или Девушки любят негодяев

Дар великой любви, или Я не умею прощать

Финальный танец, или Позови меня с собой

Марина
КРАМЕР

Алекс,
ИЛИ ДЕВУШКИ ЛЮБЯТ НЕГОДЯЕВ

Дар великой любви,
ИЛИ Я НЕ УМЕЮ ПРОЩАТЬ

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К 77

Оформление серии *С. Власова*

Иллюстрация на обложке *В. Коробейникова*

Крамер, Марина.

К 77

Алекс, или Девушки любят негодяев ; Дар великой любви, или Я не умею прощать : романы / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2014. — 576 с. — (Двойная криминальная мелодрама М. Крамер).

ISBN 978-5-699-75328-4

Алекс, или Девушки любят негодяев

Мария и Маргарита: две подруги, два характера, две судьбы. И один мужчина между ними — Алекс. Таинственный. Властный. Всегда готовый прийти на помощь... Только одного он не в силах сделать — выбрать между ними: бесконечно нежной и все понимающей Марго и хищной, строптивой Мэри. Но сейчас ему не до колебаний и сомнений: Марго и Мэри грозит смертельная опасность. На кону стоят жизни обожаемых женщин. А времени остается катастрофически мало...

Дар великой любви, или Я не умею прощать

Мария Лашенко, она же Мэри Кавалье, профессиональная танцовщица и известная французская писательница, живет одна. Она спокойна и счастлива, все время отдано работе и верным друзьям — Марго и Джефу. Но в жизни Марии вновь появляется Алекс — по-прежнему дьявольски обольстительный, властный и... такой любимый. В то же время Мэри назойливо преследует богатый влиятельный бизнесмен. Оба мужчины готовы на все ради прекрасной дамы. Причем ее собственный выбор мало что значит...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Крамер М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75328-4

Алекс,
или девушки любят негодяев

Часть I

— Ты знаешь, что такое кровная месть?

— Нет. У нас это не принято.

— А у нас — принято. Эта женщина убила моего брата. Она и меня убила — своими писульками. Давно убила, не вчера...

— Ты уверен? Никто не смог подтвердить, что она причастна.

— Артур не мог утонуть. Это она — и ее любовник.

— Тогда почему она до сих пор жива?

— Потому что так нужно.

Черноволосый мужчина сощурил глаза и сжал в кулак правую руку. На безымянном пальце блеснуло кольцо. Собеседник явно удивился. Перехватив этот взгляд, тот, кого называли Костей, чуть скривил в ухмылке тонкие губы:

— Что смотришь? Да, обручальное. Не думал, что так случится в жизни. Люблю ее, суку, до пелены в глазах. Три раза пытался убить — нет, не могу. Все понимаю — долг, семья, месть, — а не могу.

Его собеседник только пожал плечами — ему было не совсем понятно, как такое может произойти и как можно простить то, что сделала эта женщина. Любить — после предательства? И какой же должна быть

женщина, чтобы уважаемый человек был готов переступить через законы своего рода?

— Ты меня удивляешь, Костя-джан. Серьезный, солидный человек — и тебя баба за нос водит?

Костя грозно посмотрел на него и встал:

— Не твоего ума дело. Она моя жена. И я верну ее, клянусь честью. Но сперва все припомню. Недолго осталось. Знаешь, что самое сладкое в мести? Увидеть испуг в глазах, предсмертный животный ужас — и оставить жить.

«Чертовы девки. Когда я научусь не обращать на них внимания? Когда перестану бросать все и ехать-лететь-бежать им на помощь сломя голову?»

Дорога в Прованс навевала тоску. Нет, виной тому не пейзажи, не погода — с этим как раз все обстояло отлично. Причина была проста и обыденна — женщины. Две женщины, которых он любил.

Так сложилось, что сидевший в вагоне поезда мужчина имел отвратительную привычку выбирать объектом вожделения женщин с тяжелым характером, непростой судьбой и зачастую далекой от модельных стандартов внешностью. А сейчас их было сразу две. Одна — бывшая жена, с которой Алекс — так его звали — не жил уже много лет, но при этом умудрялся постоянно быть в курсе всего происходившего в ее жизни. Вторая... вот тут сложнее. Эта девица не желала подчиняться никаким правилам, не собиралась прислушиваться к чьему бы то ни было мнению и вообще оказалась слишком неправильной. Что, разумеется, только подстегнуло интерес Алекса. Да и сошлось все как нельзя удачно — они подруги. Хотя, разумеется, именно это вносило определенную сложность.

Алекс поправил тонкий черно-белый клетчатый шарф, с которым практически не расставался, сделав его частью своего весьма неоднозначного облика, чуть пошевелился, меняя позу, и взял со столика газету. На последней полосе красовалась фотография молодой женщины, сидевшей в плетеном кресле на просторной террасе загородного дома, и краткая заметка о новом романе Мэри Кавалье. Мадам Кавалье, как следовало из сухих строчек, осчастливила читающую детективные романы общественность новой душераздирающей историей о некоем Алексе — киллере и вообще мистическом персонаже. В некоторых описаниях вполне отчетливо угадывался он сам...

— Чертова безмозглая девка, — пробурчал Алекс вполголоса, раздраженно отбрасывая газету. — Нужно выйти на ближайшей станции и посмотреть в лавке — вдруг уже можно купить.

Ровно через полчаса, размяв ноги на перроне небольшой станции тихого предгорного городка, он вошел в лавку, торговавшую всякой всячиной, необходимой в поездках, и в том числе книгами в мягкой обложке. Имя Мэри моментально привлекло его взгляд — да и выделено было будто специально кроваво-красным на черно-белом фоне. Усмехнувшись, Алекс взял книгу.

— Интересуетесь, мсье? — моментально возникла за его спиной молодая полная девушка в фирменном фартуке-накидке. — Это очень хорошая книга, я читала все, что мадам Кавалье писала раньше. Так могу сказать ответственно, мсье, вы не пожалеете.

— Не сомневаюсь, — иронично хмыкнул Алекс и полез в карман. — Давно не отдавал за пачку бумажек почти двадцать евро. — Он протянул деньги девушке,

не слушая, как та смущенно пробормотала что-то о высокой стоимости аренды, а про себя подумал, что Мэри, должно быть, получила бы неплохой гонорар, если бы владелец издательства не растаял в неизвестном направлении.

Хитрый жук перепродал права своему приятелю и очень здорово надул всех, кто сотрудничал с ним. В том числе и Мэри, которая рассчитывала на эти деньги прооперировать ногу, покалеченную в автомобильной аварии.

Вернувшись на свое место в вагоне, Алекс углубился в чтение, с удивлением отмечая, что девчонка сумела с первых страниц сделать нечто такое, что заставляло дочитать книгу до конца. Вот только главный герой... очень он смущал его, очень.

Она всегда отвратительно чувствовала себя с похмелья, что и неудивительно.

«Я безмозглая идиотка. Ну зачем вчера так напилась, скажите мне? И ведь винить некого — Марго честно пыталась прекратить безобразия, но тщетно. Когда Марго удавалось справиться со мной? Да никогда».

Она привычным жестом протягивает руку и берет костыли. После операции бывшая танцовщица Мария Лащенко смогла встать на ноги, однако ходить без подпорок пока так и не научилась. Левая нога слишком пострадала, и даже кудесник-хирург из Франции ничего не смог с этим поделать. Опирается на ногу возможно, но боли... Да, главное — вот эти ужасные боли, от которых Мария буквально лезет по ночам на стену. Собственно, и алкоголь — поэтому.

Она ковыляет к большому комоду, заменяющему ей туалетный столик. Оглядев в зеркале бледное лицо с огромными черными тенями вокруг глаз, скептически хмыкает — хороша, ничего не скажешь...

— Ты проснулась? — В дверях появляется лохматая спросонья голова Марго. Лицо чуть опухшее со сна, в руке — надкушенное яблоко.

— Проснулась.

— Что — головка бо-бо? — ехидно интересуется та, входя и заваливаясь на кровать.

— Отстань, а?

— Мэри, — Марго переворачивается на живот и, откусив от яблока, смотрит на подругу серьезно и чуть озабоченно. — Дорогая, мне очень не нравится тенденция...

Мэри разворачивается так, чтобы не видеть в зеркале укоризненного взгляда подруги и не чувствовать себя виноватой. Берет расческу, начинает раздирать спутанные волосы, и у Марго сдают нервы — она кидает яблоко на кровать, встает и отнимает расческу:

— Что ж ты делаешь-то?

Она сама осторожно водит по рыжим волосам, аккуратно разбирает прядь за прядью.

— Мэри, а ведь у тебя волосы седые появились...

— Да и черт с ними...

Марго решительно разворачивает совершенно безучастную Мэри к себе, наклоняется и шипит в самое лицо:

— Так, хватит! Что случилось вчера?

«Ну как я скажу, что случилось? Никак...»

С того самого дня, как две русские живут в Провансе, у Мэри регулярно что-то случается. Постоянно —

будто по календарю. Вчера ей вдруг позвонил Алекс. Потерявшийся почти на три месяца. Позвонил ей — а не Марго, и теперь Мэри должна сообщить подруге о звонке, но не сделает этого ни за что. Вчера она сказала ему много лишнего — и он тоже вспылил. И ударил ниже пояса — в буквальном смысле. Так и заявил: «Скажи спасибо своим костылям — я не опущусь до того, чтобы приехать и дать тебе пару пощечин. Тебя и так жизнь ударила».

Собственно, Мэри не особенно расстроилась — жизнь за год после катастрофы преподносила еще кучу сюрпризов. Слова Алекса не ранили. Но зачем Марго это знать?

— Марго... клянусь — ничего. Я работала почти до трех, потом легла...

— Ну конечно! А перед этим ухитрилась достать из шкафа бутылку коньяка?

— Да ты ж видела!

— Видела, — согласно кивает Марго. — Но с сегодняшнего дня больше не буду видеть.

Мэри опустила глаза — значит, с сегодняшнего дня ей уже не удастся убедить Марго в том, что в состоянии подшофе эффективнее пишется...

За этот год с небольшим Марго сумела заменить Мэри все и всех — няньку, массажистку, врача, секретаря и агента одновременно. Если бы не Марго, никто больше не услышал бы о Мэри Кавалье, а с ее помощью она продолжала писать и издаваться. Правда, теперь во Франции.

А Марго меж тем доводит до финала гневную тираду, попутно заканчивая возиться с волосами подруги:

— И вообще. Ты в четверг ложишься в больницу, нужно закончить рукопись — а ты пьешь.

— Марго! Хватит! Я не буду дописывать эту книгу, сто раз говорила.

— Будешь.

Вот так — будешь, и все, спорить бесполезно. Но не в этом случае. Этот роман Мэри ни за что не хотела отдавать французам, просто Марго еще не была в курсе. Визит в больницу — последний, контрольный, так сказать, а потом...

Про «потом» Мэри думать боялась и не хотела. Марго настояла на их отъезде из Прованса назад, в Россию. И дом уже им не принадлежит — она продала его через то агентство, где работала сама, договорившись с новым владельцем об отсрочке переезда. Владелец, еще молодой худошавый француз по имени Люка, тихо помешанный на Японии, узнал в Мэри авторшу двух нашумевших во Франции детективных романов, залезбил и сообщил, что он не торопит, девушки могут жить здесь сколько потребуется.

Люка познакомил их со своей женой — миниатюрной Окини, самой настоящей японкой из Иокогамы. Супруги стали часто бывать в доме, развлекая почти прикованную к постели Мэри, и даже навещали ее в больнице после операции. Мэри же с удовольствием наблюдала за их отношениями, за тем, как они общаются, и со временем пришла к выводу — Люка любит не столько саму Окини, сколько ее происхождение и совершенно идеальную по японским меркам внешность. Категоричной и прямолинейной Мэри тяга европейца к экзотическому Востоку была понятна, но то, что Люка возводил это в догму и порой доводил до абсурда, слегка коробило. Марго же, напротив, искренне восхищалась смелостью француз — мол, не побоялся, ввел в аристократическую семью девушку иной веры и

иной культуры. Мэри насмешливо выслушала мнение подруги, но в душе осталась верна себе — Люка ничем не отличается от остальных мужчин, желая иметь что-то другое, чем у соседа, не то же самое, не автомобиль — так хоть жену. Многие мужчины в жизни Мэри свято соблюдали этот принцип.

Окини и Мэри понравились друг другу сразу. Они общались на ломаном английском, однако понимали все на каком-то другом, невербальном уровне. И именно Окини стала прототипом одной из героинь нового романа Мэри.

Пока Мэри пыталась собрать в кучу путающиеся и разбегающиеся мысли в похмельной голове, Марго успела закончить ее утренний туалет и подать костыли. Надо отдать должное местному травматологу — операция помогла, а боли — всего лишь остаточные явления. Доктор заверил, что все пройдет.

Огорчало Мэри только одно — она по-прежнему не могла танцевать. Дело всей жизни осталось несбыточной мечтой, алыми парусами, которых ей, похоже, уже не суждено увидеть.

И переезд...

«Как все будет, на что мы станем жить? Еще хорошо, что в свое время я настояла, чтобы Марго не продавала свою квартиру, а сдала», — часто думала Мэри, страдая от бессонницы. Деньги жилец переводил на банковский счет, так что Марго теперь оказалась «невестой с приданым». И еще с каким — на ее руках висела практически не ходячая писательница, широко известная в узких кругах. Мало этого — проблем у писательницы было столько, что тем для романов хватит на всю жизнь. Собственно, из-за ее проблем с мужем они с

Марго и вынуждены менять солнечный уютный Прованс на холодную Москву. В общем, как и в первый раз, когда сменили Москву на Францию — из-за того же Кости.

— Мэри, как думаешь — если ты продолжишь писать книги, тебе придется менять имя? — Марго накрывала стол к завтраку, а Мэри вместо ответа засмотрелась на то, как она спует по кухне — высокая, в домашнем платье, с заколотыми кверху волосами. Если бы не Марго... — Мэри, ты почему молчишь? — Она поставила перед подругой чашку кофе и пепельницу и села напротив.

— А? Я не думала об этом, Марго. Могу сделаться Лейлой Манукян — чем плохо имя? Мое, к тому же — по паспорту.

— А зря. Надо думать. Если ты поменяешь имя, то потеряешь ту часть аудитории, которая помнит твой первый роман.

— Да, а если не поменяю и останусь Кавалье, то потеряю, скорее всего, голову, — усмехнулась Мэри, делая глоток кофе. — Ты ведь знаешь, что Косте известен мой псевдоним.

Костя Кавалерьянц — вот откуда литературный псевдоним — до сих пор числился ее законным мужем. Что, однако, не помешало ему несколько раз попытаться отправить жену на тот свет.

И только присутствие в ее жизни Алекса помогло выжить.

«Алекс... да...» — с глухой тоской подумала Мэри, откинувшись на спинку стула.

Она до сих пор не понимала до конца, кто он. Бывший муж Марго. Опаснейший тип. И все же — человек, в которого Мэри влюбилась до беспамятства... Он